

На правах рукописи

Шмугурова Ксения Васильевна

**КОНЦЕПТЫ *ТОСКА* И *РАДОСТЬ*
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА
(на материале лирики
И. А. Бунина, Ф. Сологуба, И. Ф. Анненского)**

Специальность 10.02.01 – русский язык
(филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Новосибирск
2011

Работа выполнена на кафедре общего и русского языкознания
государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Новосибирский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Лукьянова Нина Александровна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Болотнова Нина Сергеевна (ТГПУ)

кандидат филологических наук, доцент
Басалаева Елена Геннадьевна (НГПУ)

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Омский государственный
университет им. Ф. М. Достоевского»

Защита состоится «20» мая в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 212.172.03 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет» по адресу: 630126, г. Новосибирск, ул. Виллойская, 28.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет».

Автореферат разослан «18» апреля 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
профессор

Е. Ю. Булыгина

Общая характеристика работы

Диссертационное исследование посвящено изучению вербализации эмоциональных концептов *Тоска* и *Радость* в поэтическом дискурсе Серебряного века на материале лирики И. А. Бунина, Ф. Сологуба, И. Ф. Анненского.

Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью идиостиля поэтов Серебряного века, принадлежащих к различным литературным направлениям, в коммуникативно-когнитивной лингвистической парадигме и связана с необходимостью исследования ключевых концептов поэтической концептосферы как на уровне стилистического узуса, так и в аспекте идиостилевых особенностей их вербализации.

Несмотря на неугасающий интерес лингвистов к поэтическому наследию Серебряного века, воплощенные в лирике концептосферы И. А. Бунина, Ф. Сологуба и И. Ф. Анненского остаются малоизученными в лингвистическом плане, хотя обращение и литературоведов, и лингвистов к творчеству этих авторов особенно активизировалось в последнее двадцатилетие. Это главным образом связано с неоднозначностью художественного метода поэтов и фрагментарностью исследования их поэтических картин мира.

Так, в реалистической лирике И. А. Бунина находит место ряд модернистских особенностей. Творчество Ф. Сологуба не укладывается в рамки символизма, в его поэзии и прозе во многом отразилась эстетика декаданса, модернизма, реализма [Дикман, 1995; Евдокимова, 1996; Ханзен-Леве, 1999; и др.]. Художественная система, созданная И. Ф. Анненским, характеризуется ассоциативным, или психологическим, символизмом [Гинзбург, 1997], при этом в ней содержатся зачатки акмеизма, футуризма [Кихней, Ткачева, 1999] и даже русского экзистенциализма [Спивак, 2009]. Анализ отображенных в поэтических текстах концептосфер И. А. Бунина, Ф. Сологуба и И. Ф. Анненского как ярких представителей Серебряного века важен для выявления общих и индивидуальных особенностей художественного воплощения концептов культуры в русской поэзии рубежа XIX–XX вв.

Обращение к поэтическому дискурсу Серебряного века обусловлено и необходимостью переосмысления литературного наследия того времени в коммуникативно-когнитивном аспекте и пересмотра мировоззренческих и эстетических ценностей эпохи. Установившаяся в конце XX в. и продолжающаяся развиваться в начале XXI в. парадигма лингвистического знания поставила в центр внимания вопросы, связанные с *языковой личностью, концептуализацией знаний, концептосферой, соотношением языковой и индивидуально-авторской картин мира, поэтической картиной мира (ПКМ), речевой коммуникацией, текстовой деятельностью человека и*

т. д. В русле когнитивно-коммуникативного подхода текст изучается как результат речемыслительной деятельности автора и объект познавательной деятельности читателя.

Степень разработанности темы исследования. История изучения поэтического наследия И. А. Бунина, Ф. Сологуба и И. Ф. Анненского достаточно фрагментарна, по-прежнему остается много вопросов и нерешенных проблем, связанных как с художественным методом авторов, так и с воплощенной в поэзии авторской концептосферы.

Лирика И. А. Бунина рассматривалась исследователями обычно как «приложение» к его прозе, как наследница классической русской поэтической традиции, основы которой заложили Г. М. Державин, А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев и др., а не как самостоятельная целостная система. Поэтому она изучалась в основном с точки зрения образного и тематического своеобразия [Динесман, 1973; Михайлов, 1976; Нефедов, 1991; Дякина, 1992; Сливацкая, 2001; и др.], специфики жанровой системы [Виноградов, 2005; Иншакова, 2005; и др.], философских мотивов [Спивак, 2005], концепции человека в творчестве поэта [Плешков, 2001]. Автобиографический метатекст И. Бунина как целостное, системное явление, проецируемое на автобиографический контекст русской и западноевропейской литературы первой половины XX в., в разных аспектах его художественного воплощения на материале ранней лирики (1888–1905 гг.), рассказов, романа «Жизнь Арсеньева», дневников, переписки и воспоминаниях о писателе, проанализирован в работе Е. М. Болдыревой [2007].

В последнее время появляются работы, выполненные в лингвистическом ключе – в основном на материале его прозы [Морозова, 1999; Мещерякова, 2002; Руднева, 2007; и др.]. В 2008 г. вышел словарь эпитетов И. А. Бунина, содержащий около 100 тысяч словоупотреблений. Его автор, В. В. Краснянский, объясняет внимание к языку И. Бунина способностью писателя «остро и точно воспринимать окружающий мир» и «редким даром словесного воплощения этой восприимчивости» [Краснянский, 2008. С. 3]. Лексикографическое осмысление языка И. Бунина во фразеологическом, диалектологическом, интертекстуальном аспектах, отмечает автор, только начинается.

Поэзия Ф. Сологуба, по сравнению с лирикой И. А. Бунина и И. Ф. Анненского, остается еще менее изученной как в литературоведческом [Дикман, 1975; Евдокимова, 1997; Губайдуллина, 2003, Боснак, 2005], так и лингвистическом планах. Исследователи в основном обращаются к прозе (роман «Мелкий бес») и драматургии поэта. В настоящее время с когнитивных позиций изучены концепты *Судьба* и *Душа* в поэтическом мире Ф. Сологуба [Погосян, 2005; Быдина, 2007]. В сопоставительном аспекте как культурологический символ исследован концепт

Цветок на материале поэтических текстов И. А. Бунина, Ф. Сологуба, О. Мандельштама и В. Хлебникова [Молоткова, 2006].

Тоска, скука, страх как ведущие мотивы лирики И. Ф. Анненского были предметом изучения литературоведов [Федоров, 1984; Пурин, 1996; и др.]. Подробный обзор литературоведческих трудов, связанных с творчеством И. Ф. Анненского, представлен в работе [Кихней, Ткачева, 1999]. С лингвистических позиций написаны работы, посвященные изучению ключевых концептов *Я*, *Сердце* и *Тоска* в лирике И. Ф. Анненского [Бабарыкова, 2007] и концепта *Пространство* [Дудорова, 2001], выполненные в русле когнитивной лингвистики. В сопоставительном аспекте к концептосфере И. Ф. Анненского обращалась И. А. Тарасова в монографии, посвященной идиостилю Г. Иванова [Тарасова, 2003]. Типологический аспект лингвостилистического анализа лирики А. А. Фета и И. Ф. Анненского, в сравнении с поэзией Б. Пастернака и А. А. Блока, освещен в работе Е. А. Некрасовой [1991].

Поэтическое наследие И. А. Бунина, Ф. Сологуба и И. Ф. Анненского представляет интерес для исследования в связи с недостаточной изученностью некоторых аспектов творчества поэтов, несомненно, важных для понимания их мироощущения, которое нашло отражение в индивидуально-авторской картине мира каждого из них. Современная лингвистика с ее междисциплинарным подходом может дать очень многое в этом плане. Выбор в качестве объекта исследования концептов *Тоска* и *Радость* обусловлен их культурологической значимостью в общерусской картине мира. Национальную уникальность концепта *Тоска* неоднократно подчеркивали лингвисты [Вежбицкая, 1996; Степанов, 1997; А. Д. Шмелев, 2002; и др.]. Этим объясняется, почему именно концепт *Тоска*, а не *Печаль*, полный антоним *Радости*, выбран объектом нашего исследования. Анализ концептов *Тоска* и *Радость* показал, что они играют ключевую роль в художественной организации поэтического пространства И. А. Бунина, Ф. Сологуба и И. Ф. Анненского, а их содержание, кроме психологического, отражает также мировоззренческую и философскую составляющие индивидуально-авторского мировидения.

Источники материала – поэтические тексты И. А. Бунина, Ф. Сологуба, И. Ф. Анненского, опубликованные в их полных собраниях сочинений в советское и постсоветское время [Бунин, 1965; Сологуб, 2003; 2004; Анненский, 1988], а также в полных собраниях сочинений И. А. Бунина и Ф. Сологуба, составленных самими авторами и вышедших в печать при их жизни. Репрезентативная выборка материала составила 1321 стихотворение. Из них: 445 поэтических текстов И. А. Бунина, 714 – Ф. Сологуба, 162 – И. Ф. Анненского.

Объектом исследования в диссертации стали лексические средства репрезентации концептов *Тоска* и *Радость*, а также ассоциативные блоки их вербализации в поэтической картине мира И. А. Бунина, Ф. Сологуба, И. Ф. Анненского.

Предмет исследования – узуальные и идиостилевые особенности репрезентации концептов *Тоска* и *Радость* в поэтическом творчестве И. А. Бунина, Ф. Сологуба, И. Ф. Анненского.

Цель исследования – выявить и описать содержание, структуру и средства лексической репрезентации концептов *Тоска* и *Радость* в идиостиле каждого поэта; определить их роль в организации поэтического текста, через эмотивный код которого прочитывается индивидуальное мироощущение поэта и выстраивается авторская концептосфера во взаимосвязи ключевых концептов их творчества.

Конкретные задачи исследования.

1. Выявить эксплицитную репрезентацию концептов *Тоска* и *Радость* на основе анализа употребления слов-номинатов, синонимических рядов, эмотивной лексики в лирических произведениях каждого поэта.

2. Выявить имплицитную вербализацию данных концептов на основе анализа текстовых ассоциатов, описать ассоциативно-смысловые блоки их актуализации, в которых наиболее рельефно отражаются различные смысловые грани изучаемых нами концептов в поэзии И. А. Бунина, Ф. Сологуба, И. Ф. Анненского.

3. Определить роль концептов *Тоска* и *Радость* в каждой авторской концептосфере и, как следствие, в организации поэтического пространства и отборе образных средств, на основе этого смоделировать концептуальное пространство лирики И. А. Бунина, Ф. Сологуба, И. Ф. Анненского, в котором отражается взаимодействие лирического героя с окружающим миром, с одной стороны, и выявляется творческая индивидуальность каждого поэта – с другой.

4. Изучить концепты *Тоска* и *Радость* как ключевые ментальные структуры эмоционального уровня организации поэтического текста в лирике каждого поэта.

5. На основе сравнительно-сопоставительного анализа выявить общее и индивидуально-авторское в содержании, структуре и образной репрезентации концептов *Тоска* и *Радость* в ПКМ И. А. Бунина, Ф. Сологуба, И. Ф. Анненского.

В работе анализируются:

– ключевые лексемы (*тоска, радость*), синонимические ряды (*грусть, печаль, скука, уныние, кручина, томление и радость, восторг, торжество* и др.), эмотивная лексика, представляющие концепты *Тоска* и *Радость*;

– структура (понятийный, эмоционально-оценочный, образно-метафорический слой) и содержание концептов (концептуальные признаки);

– ассоциативно-смысловые блоки (АСБ) вербализации концептов *Тоска* и *Радость*: *русская природа – русский уклад жизни – Россия – русская тоска; прошлое – забвение – тоска; осень – весна – круговорот жизни – радость бытия и тоска; творчество – диалог с Богом – тоска* (И. А. Бунин); *смерть – страх – тоска и тоска – злость – угроза* (Ф. Сологуб), *тоска – страх – смерть и тоска – время* (И. Ф. Анненский); *осень – весна – круговорот жизни – радость бытия и тоска, свет – жизнь – радость – познание* (И. А. Бунин); *вдохновение – свобода – творчество – радость; мечты – надежды – любовь – радость; радость разрушения – увядание – смерть* (Ф. Сологуб).

– взаимосвязь концептов *Тоска* и *Радость* с другими ключевыми концептами авторской концептосферы каждого поэта.

Методы исследования. В исследовании применялась комплексная методика, основанная на общенаучном описательном методе, включающем такие более частные методы и приемы, как наблюдение, обобщение, сопоставление, интерпретация, классификация, количественные подсчеты. Использовалась лингвистическая методика анализа ассоциативного слоя художественного концепта, основанная на выделении ассоциативных рядов из имеющихся в тексте ассоциатов и, как следствие, текстовых направлений ассоциирования, каждое из которых представляет одну из граней художественного концепта, репрезентированного в тексте и выявляемого на основе ассоциативно-семантических, тематических, грамматических и других связей лексических единиц. В соответствии с целью и задачами работы использовались концептуальный, контекстологический, семантико-стилистический анализы.

Научная новизна диссертации. Впервые осуществлено комплексное интегративное исследование концептов *Тоска* и *Радость* в поэтической картине мира И. А. Бунина, Ф. Сологуба, И. Ф. Анненского в коммуникативно-когнитивной парадигме на основе текстовых ассоциаций, связанной с коммуникативно-деятельностным подходом к изучению вербализованной в тексте концептосферы авторов. В результате сравнительного анализа выявлены идиостилевые особенности воплощения поэтического концепта и средств его репрезентации, которые обусловлены художественным методом каждого автора. В научный оборот вводится новый фактический материал.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Концепты *Тоска* и *Радость* играют ключевую роль в поэтических картинах мира представителей Серебряного века И. А. Бунина, Ф. Сологуба, И. Ф. Анненского. Основная часть поэтических произведений данных авторов была создана в одно и то же время – 80–90-е гг. XIX в. и первые два десятилетия XX в., жизнь поэтов проходила на фоне и в условиях одних и тех же судьбоносных и для России, и для каждого из писа-

телей исторических событий, – несмотря на это, содержание и функционирование концептов *Тоска* и *Радость* в поэтическом наследии каждого из них существенно различаются. Это обусловлено психологическими особенностями каждого автора и его мировоззрением, а также художественным методом, который представляет собой результат когнитивной, эмоциональной и текстовой деятельности творческой личности.

2. Основная наша гипотеза заключается в том, что изучение концепта как сложной и многоплановой ассоциативной структуры, которая формируется в процессе восприятия и интерпретации текста на основе объединяющихся в ассоциативно-смысловые блоки текстовых ассоциатов, в коммуникативно-деятельностном и сравнительно-сопоставительном аспектах позволяет выявить общее и индивидуальное в содержании, структуре и средствах репрезентации концептов.

3. Индивидуально-авторское своеобразие в вербализации концептов *Тоска* и *Радость* в ПКМ И. Бунина, Ф. Сологуба, И. Анненского выражается как в поэтике словоупотреблений, стилистических средствах выразительности, особенностях сочетаемости слова-номината концепта, так и в ассоциативно-смысловых блоках вербализации концепта, выделенных по тематической общности текстовых ассоциатов.

4. Концепты *Тоска* и *Радость* играют структурообразующую роль на эмотивном уровне в концептуальной организации индивидуально-авторской картины мира, это обуславливает ее уникальность и своеобразие как в содержательно-смысловом, так и стилистическом аспектах. В поэтической системе И. А. Бунина находит отражение синкретизм переживаемых эмоций, их спаянность – часто одновременное переживание и тоски, и радости. Это практически отсутствует в ПКМ Ф. Сологуба и И. Ф. Анненского. Объяснение лежит в плоскости эстетических и философских взглядов поэтов, преломленных в поэтической концептосфере. Так, поэтическое творчество Ф. Сологуба преимущественно символистское, а для эстетики символистов характерны такие черты, как двоемирие, эстетизация зла, декадентство, упаднические настроения. На эмотивном уровне концепты *Тоска* и *Радость* становятся реализацией дихотомии бытия (земное – иное) в мифологизированном поэтическом пространстве Ф. Сологуба. Радость предстает как феномен иного бытия, а тоска – удел земных страданий. В ПКМ И. Ф. Анненского не находится места для радости. И этому есть объяснения. В его ПКМ не выражено символистское двоемирие, а значит – нет того *идеального иного бытия*, в котором царят гармония и радость. Место иного бытия в его мироощущении занимает *небытие*. Отсюда его мучения, вечный поиск гармонии и идеала красоты, та вечная экзистенциальная тоска, которая характеризует трагическое, а не пессимистическое, мироощущение. Кроме того, подтверждает эту гипотезу и то, что слово *тоска* входит в синонимический ряд *скука* – *тоска* –

уныние, в то время как в произведениях Сологуба реализуется синонимический ряд *томление – печаль – тоска – кручина*, а Бунина – *грусть – печаль – тоска*. Уныние, как известно, связано с апатией и упадком жизненных сил в большей степени, чем грусть – печаль – тоска. В его лирике концепт *Тоска* тесно взаимодействует с концептом *Время (тоска мимолетности* и др.). Переживания времени, в отличие от «безвременья» Ф. Сологуба, отражены и в ПКМ И. А. Бунина, особенно ярко это проявляется в ассоциативно-смысловом блоке вербализации концепта *Тоска прошлое – забвение – тоска*. Тоска предстает экзистенциальным чувством, связанным со страхом, размышлениями о бытие-небытие-смерти, личностным переживанием времени, повышенным чувством тревожности. Эти переживания и настроения во многом были predeterminedены исторической и социальной нестабильностью рубежа веков, пошатнувшимися позициями традиций и поиском новых ценностных ориентиров.

Теоретическая значимость исследования. Результаты исследования вносят определенный вклад, во-первых, в дальнейшее развитие теории художественного концепта как ментально-ассоциативной структуры, которая обуславливает особенности содержания и средств его репрезентации в творческой деятельности разных поэтов; во-вторых, в изучение художественной картины мира Серебряного века в целом и в ее различном воплощении в творчестве представителей этого периода русской культуры; в-третьих, в коммуникативную лингвистику, связанную с изучением идиостиля художников слова.

Практическая значимость работы. Материал и результаты исследования могут использоваться в вузовской практике, в частности при разработке курсов и спецкурсов по стилистике художественного текста и филологическому анализу текста, лингвоконцептологии, лингвокультурологии, лексической семантике, а также при написании курсовых и дипломных работ студентами-филологами по соответствующей тематике.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования излагались в докладах на совместном аспирантском семинаре кафедры общего и русского языкознания Новосибирского госуниверситета и Отдела языков народов Сибири Института филологии СО РАН (2007–2010 гг.), на Международных научных студенческих конференциях «Студент и научно-технический прогресс»: Языкознание (Новосибирск, Новосибир. гос. ун-т, 2005–2010 гг.), на региональной конференции «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» (Новосибирск, Институт филологии СО РАН, 2008 и 2009 гг.), на XXXIX Международной филологической конференции (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2010 г.), на VI Международной конференции «Русская речевая культура и текст» (Томск, Томск. гос. пед. ун-т, 2010 г.), на конференции молодых ученых «Филологические чтения: Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении»

(Новосибирск, Новосиб. гос. пед. ун-т, 2009 и 2010 гг.), а также на заседаниях кафедры общего и русского языкознания (2008, 2009, 2010 гг.) Результаты исследования отражены в 7 публикациях, 3 из которых – в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных положений докторских и кандидатских диссертаций.

Структура работы. Диссертация, общим объемом 216 страниц, состоит из Введения, двух глав, Заключения, библиографического списка, включающего 261 наименование. В первой главе изложены основные теоретические положения исследования, освещены результаты исследования концептов *Тоска* и *Радость* в русской картине мира. Вторая глава посвящена анализу содержания, структуры и средств вербализации концептов *Тоска* и *Радость* в поэтическом наследии И. А. Бунина, Ф. Сологуба, И. Ф. Анненского, содержит обобщенные результаты сравнительно-сопоставительного анализа изучаемых концептов в ПКМ трех авторов. В Заключении подводятся итоги проведенного исследования и намечаются перспективы дальнейшей работы. Диссертация включает 4 таблицы и 3 схемы.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, формулируются объект, предмет, цели и задачи работы, освещаются методика и материал исследования, дается краткая история изучения лирики И. А. Бунина, Ф. Сологуба, И. Ф. Анненского, определяются новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Теоретические основы изучения эмоциональной картины мира личности в когнитивно-коммуникативном аспекте» посвящена описанию теоретической базы и основного понятийно-терминологического аппарата. В **1 и 2-м параграфах** анализируются основные работы, связанные с изучением *языковой личности, языковой картины мира, эмоциональной языковой картины мира, художественной картины мира, поэтической речи, художественного концепта*, эмоциональной сферы личности, которая играет одну из ведущих ролей не только в обыденной коммуникативной деятельности, но и в художественном творчестве, так как эмоционально-ценностные ориентиры определяют его аксиологическое содержание и авторскую индивидуальность.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют работы в области поэтики художественного текста (В. В. Виноградов, В. В. Винокур, Д. Н. Шмелев и др.), лингвистики текста (И. Р. Гальперин, Т. М. Николаева, Т. В. Матвеева, А. И. Новиков, Л. А. Новиков,

З. Я. Тураева и др.), коммуникативной стилистики текста (Н. С. Болотнова, С. М. Карпенко, О. В. Орлова, И. И. Бабенко, А. В. Болотнов и др.), когнитивной лингвистики (Е. С. Кубрякова, А. Вежицкая, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Н. Ф. Алефиренко и др.), лингвокультурологии (Ю. С. Степанов, А. Д. Шмелев, В. И. Карасик, С. Г. Воркачев, Н. А. Красавский и др.), когнитивной поэтики (И. А. Тарасова), лингвистики эмоций (В. И. Шаховский, Е. Ю. Мягкова, Ю. Д. Апресян, Л. Г. Бабенко, Т. А. Трипольская и др.), эмоциологии текста (И. В. Быдина, О. Е. Филимонова и др.), психологии эмоций (В. К. Вилонас, В. Вундт, К. Изард, А. Н. Леонтьев и др.).

Начатое в 20-е гг. прошлого столетия С. А. Аскольдовым изучение концептов в настоящее время продолжает интенсивно разрабатываться в теориях о концепте и картине мира как на узуальном, так и индивидуально-авторском уровнях. В результате психической деятельности человека складывается индивидуальный опыт личности, который находит отражение в языковых реализациях не только на уровне системных (лексика, фразеология и др.), но и текстовых единиц (ассоциативно-смысловые поля, тематические группы и др.). Последнее особенно важно при изучении художественной картины мира. Художественный концепт, вербализованный в тексте, имеет свою специфику, которая проявляется в образных средствах его репрезентации, особой роли ассоциативного, символического и образного слоев в его структуре, в общей ориентации на эстетический смысл и эмоционально-экспрессивное воздействие на читателя.

При исследовании текстовых категорий особое значение приобретают эмоционально-смысловые доминанты как отражающие индивидуально-авторское мировидение, играющие одну из главных ролей в формировании индивидуальной концептосферы. Воплощенные в поэтических текстах эмоциональные концепты особенно важны для понимания не только художественного мира, но и автора как языковой личности, отраженной в тексте. В художественном творчестве эмоциональная составляющая, наряду с эстетической и др., определяет аксиологическую ориентацию всего творчества писателя. Это связано с тем, что эмоциональная сфера человека является вполне самостоятельной надстройкой по отношению к когнитивной в процессе познания человеком окружающего мира, результатом этого становится индивидуальная картина мира, субъективные, личностные смыслы которой детерминируют ее уникальность.

С точки зрения когнитивной поэтики и коммуникативной стилистики представляет интерес изучение художественных концептов, вербализованных ключевым словом, сверхсловными единицами, текстовыми парадигмами и т. д., поскольку в ассоциативно концептуальном развертывании текста они несут основную смысловую нагрузку, заключающую в себе не только особенности авторской картины мира, но и позволяющую выйти на

культурологический уровень анализа фрагментов национальной концептосферы.

Вербализованные в тексте ассоциативно-смысловые поля (АСП) являются не только единицами его анализа, но и регулятивными структурами, коррелирующими с квантами знания – *концептами* в сознании воспринимающего текст субъекта. Иногда номинат концепта не эксплицируется в тексте, но актуализируется в сознании воспринимающего текст субъекта на основе текстовых ассоциатов, «наводящих» читателя на ключевое слово-номинат концепта. Когда оно эксплицируется в тексте, подготовленное ассоциатами в предшествующем его появлению текстовом развертывании, устанавливается «точка контакта» между автором и читателем, позволяющая адресату приобщиться к авторскому мироощущению. Под *текстовым ассоциатом* понимается «реакция на стимул, смысловой коррелят к слову-стимулу – элементу лексической структуры текста, соотносимый в сознании воспринимающего текст субъекта с реалиями текстового мира, коррелирующего с миром реальности, сознания, а также с другими словами» [Болотнова, 2009, с. 8]. В своей работе мы опираемся на теорию текстовых ассоциатов, разработанную в томской школе коммуникативной стилистики текста под руководством Н. С. Болотновой.

С термином *ассоциативно-смысловое поле* связан термин *ассоциативный блок* (АБ) – особый способ организации текстовых ассоциативно-смысловых полей, «пучок» текстовых ассоциатов, репрезентирующих общий эстетический смысл слова-стимула [Карпенко, 2000, с. 16]. В нашей работе термины *ассоциативный блок*, *ассоциативно-смысловой блок*, *ассоциативно-смысловая парадигма* используются как синонимы.

В **3-м параграфе** рассматриваются концепты *Тоска* и *Радость* в русской картине мира. К данным концептам обращались многие исследователи (Ю. С. Степанов, А. Д. Шмелев, Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, В. В. Колесов, Н. А. Красавский, и др.). Такой интерес обусловлен особой значимостью этих концептов в русской ЯКМ. Их языковая вербализация и содержание изучались в историческом, философском, сравнительно-сопоставительном аспектах на различном материале.

Концепт *Тоска* входит в «Антологию концептов» [2005, т. 1] русской лингвокультуры. Автор статьи о тоске отмечает глубокие корни концепта *Тоска* в русской КМ: «Смыслы, входящие в его содержание, фиксируются уже в древнерусском языке – в тексте “Слово о полку Игореве”». Концепт *Тоска* «не прерывает своего существования в концептосфере русского языка и в современном русском языке овнешняется в большом количестве своих вербальных репрезентантов», а также обладает множеством культурных коннотаций, что свидетельствует о значимости этого концепта в эмоциональной КМ русских [Димитрова, 2005, с. 269–270].

Этимологический анализ лексемы *тоска* представлен в работах И. Ю. Вертеловой. Автор прослеживает историческое развитие таких концептуальных признаков концепта *Тоска*, как ‘физическая пустота, незаполненность’ и ‘сила’. Исследовательница делает вывод о том, что *тоска* является «принципиально внутренним переживанием, при котором человек рассматривает себя как объект воздействия опустошающей его силы» [Вертелова, 2000, с. 33–39; 2004, с. 240–247]. И. Ю. Вертелова отмечает также, что в русском языковом сознании, кроме *тоски по чему-то*, есть еще тоска беспредметная, бесфакторная, другими словами – беспричинная. А. Вежбицкая определила *тоску* как «то, что испытывает человек, который чего-то хочет, но не знает точно, чего именно, и знает только, что это недостижимо. А когда объект тоски может быть установлен, это обычно что-то утерянное и сохранившееся лишь в смутных воспоминаниях» (цит. по: [Шмелев А. Д., 2005, с. 92]).

Детально этимологический аспект лексемы *тоска* рассмотрен и в работе Ю. С. Степанова [1997, с. 670–685], в которой подробно проанализировано функционирование концепта *Тоска* в историческом и философском контексте и установлена его связь с такими концептами, как *Страх* – [*Ненависть*] – *Грех* – *Искупление*, с одной стороны, и *Страх* – *Страдание* – *Страсть* – с другой.

К изучению данного концепта обращались и философы-экзистенциалисты. Например, Кьеркегор пишет о том, что тоска есть действительность свободы, потому что она есть ее возможность, и поэтому ее не испытывают животные, природа которых не имеет духовного измерения. Н. Бердяев, анализируя тоску, пишет: «Тоска направлена к высшему миру и сопровождается чувством ничтожества, пустоты, тленности этого мира. Тоска обращена к трансцендентному. <...> Тоска по трансцендентному, по иному, чем этот мир, по переходящему за границы этого мира...» [Бердяев, 1991, с. 50–56]. Концепт *Тоска* отражает такие признаки русского сознания, как ‘трансцендентность’, ‘одинокость’, ‘богосознание’, ‘богооставленность’, ‘безнадежность / надежда’.

Национальная специфика содержания концепта *Тоска* и его непереводаемость на другие языки отмечается в работе А. Д. Шмелева, в которой рассматривается непосредственная связь *тоски* с «русскими пространствами» [Шмелев, 2002, с. 359–362]. Особое внимание уделяется концепту *Тоска* как одному из ведущих в русской КМ и в работе «Ключевые идеи русской языковой картины мира» [Зализняк А., Левотина, Шмелев А. Д., 2005], в которой также говорится о специфичности концепта и его важной роли в изучении русского менталитета.

Концепт *Радость* также неоднократно становился объектом изучения лингвистов. Так, синонимический ряд *радоваться* – *ликовать* – *торжествовать* анализируется в словаре синонимов под редакцией Ю. Д. Апресяна

[Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, вып. 1, с. 912–916]. Отмечается, что радость – эмоция, доступная не только человеку, но и всем высшим животным, подчеркивается – не только взрослым, но и очень маленьким детям, это характеризует радость как первичную, элементарную эмоцию, что в языке выражается частым сравнением *радоваться, как ребенок*. Радость предстает фундаментальной жизненной ценностью (радость – жизнь), которая доступна тем, кто способен видеть и находить светлые стороны жизни. Радости свойственно возникать без причины и быть глубоким и длительным состоянием. В силу своей интимности радость часто не требует внешних выражений, переживается как глубокий внутренний покой. Чувство радости часто сопровождается ощущением просветления души и подъемом жизненных сил.

А. Б. Пеньковский, анализируя концепты *Радость* и *Удовольствие*, указывает на чувственно-физиологическую природу последнего и более высокую чувственно-психическую природу первого, выделив такие характеристики радости, как животворящая сила, дарующая состояние гармонии и покоя (непреходящее «я знаю (понимаю), что это хорошо»); бесплотность – функционирование в сфере бестелесного – души и духа; беспричинность (*ни от чего*); «органичность» (*рождается, растет, живет, дышит* и т. д.); неограниченность в пространстве и времени; открытость и альтруистичность (*за другого*); межличностность (*можно заразиться*); надличностность, соборность – способна становиться состоянием природы и вливаться в космос [Пеньковский, 1991, с. 148–155].

С различных сторон (в наивной картине мира, на материале пословиц и поговорок, фразеологизмов, научной картине мира, в историческом развитии) исследовал концепты *Радость* и *Печаль* в русской и немецкой ЯКМ В. И. Красавский [2003]. Он описал множество существенных признаков этих концептов в сравнительно-сопоставительном аспекте. В том числе отметил неземную сущность радости, ассоциации радости со светом и огнем, а также состояние открытости миру взрослых людей, которое свойственно детям.

Таким образом, основные смысловые характеристики концептов *Тоска* и *Радость* выявлены и описаны лингвистами на лексическом материале словарей, в составе поговорок и пословиц, фразеологизмов, диалектов. Но в значительной степени богатство этих концептов как в смысловом, так и репрезентирующем их языковом материале раскрывается при анализе индивидуально-авторских концептосфер.

Вторая глава «Вербализация концептов *Тоска* и *Радость* в поэтических картинах мира И. А. Бунина, Ф. Сологуба, И. Ф. Анненского».

В 1-м параграфе рассматриваются концепты *Тоска* и *Радость* в ПКМ И. А. Бунина. С помощью контекстуального анализа ключевой лексеминимата концепта *Тоска* мы выявили следующие его понятийные призна-

ки: 'одиночество / отрешенность от людей', 'сосредоточенность на внутренних переживаниях', 'уход в себя', 'мука', 'мучение', 'томление', 'тревога', 'тяжесть', 'бессилие', 'ожидание', 'молчание', 'боль', 'болезнь', 'мятеж', 'желание'. В содержании концепта *Тоска* совмещаются такие противоположные признаки тоски, как 'вера / неверие', 'надежда / безнадежность'. Актуализация определенного признака зависит от того, в каком АСБ происходит их активизация.

Концепт *Тоска* вербализуется в четырех АСБ: 1) *русская природа – русский уклад жизни – Россия – русская тоска*; 2) *прошлое – забвение – тоска*; 3) *осень – весна – круговорот жизни – радость бытия и тоска*; 4) *творчество – диалог с Богом*. В каждом из этих блоков открываются новые грани концепта *Тоска*.

Как гнетущее, деструктивное чувство, полное безысходности и безнадежности, боли и горечи, тоска предстает в первом и втором АСБ, связанных с безвозвратным уходом реалий русского быта как целого пласта культуры дореволюционной России, близкой и дорогой И. Бунину, а потому особенно трагически переживаемой: *Любил я осень позднюю в России, / Любил лесок багряный на горе, / Простор полей и сумерки глухие, / Любил стальную, серую Оку, / Когда она, теряясь лентой длинной / Вдали лугов, широкой и пустынной, / мне навела русскую тоску* («В степи»). В этих АСБ тоска ассоциируется также с разрушением и увяданием жизни вообще, в которых не просто уход в прошлое, а забвение, и здесь сказывается также мучительность переживаний поэтом течения времени: *И снилось мне, что осенней порой / В холодную ночь я вернулся домой. / По темной дороге прошел я один / К знакомой усадьбе, к родному селу... / Трещали обмерзшие сучья лозин / От бурного ветра на старом валу... / Деревня спала... И со страхом, как вор, / Вошел я в пустынный, покинутый двор* («И снилось мне, что осенней порой...»).

На уровне лексической организации поэтического текста это находит отражение в употреблении лексики с семантикой запустения и умирания, а также в заполнении поэтического пространства звуками, цветом и запахами: *Вечерний колокольный звон, / Напевы женщин в роще дальней, / И гул сосны, и ветерка / Однообразный шелест в чаще / Невыразима их тоска, / И нет ее больней и слаще!; В испуге бьется среди ветвей, / Тоскливо стонет и рыдает, / И тем тоскливей, тем грустней, / Чем человек больней страдает; И долгий крик, звенящий крик тоски, / Вдруг раздается жалобно и властно / И замирает в небе; и др.*

Но чувство тоски не только деструктивное, угнетающее, разрушающее действующее на человека. В 3 и 4-м АСБ оно предстает не как безнадежное и удручающее, а как исполненное надежды когда-нибудь понять и приблизиться к непознаваемому и непостижимому. В таком состоянии чувство тоски выражается в сосредоточенности на внутренних духовных

поисках, устремленных к божественному началу, приобретает трансцендентный характер, о котором писал Н. Бердяев. При этом лирический герой определяет свое состояние как *сладостную муку, радость, отраду сладкую в сознание*.

Концепт *Радость* в поэтическом пространстве И. А. Бунина формируют следующие признаки: 'открытость', 'доверчивость', 'отрешенность', 'задумчивость', 'спокойствие', 'отсутствие душевной тревоги', 'чистота', 'непорочность', 'трепетность', 'страх разрушить прекрасные мгновения жизни', 'восторг', 'свет', 'способность образно мыслить', 'легкость'. Несмотря на то, что чувство радости в ПКМ И. А. Бунина является, как правило, реакцией на внешние стимулы – реалии объективно существующего мира, оно является глубоко внутренним переживанием, проявляющимся не только и не столько в буйстве и веселье, сколько в трепетности и тишине. Внешние проявления (например, смеха), направленные на окружающую действительность, а не во внутренний мир субъекта, в ПКМ И. А. Бунина практически отсутствуют.

Концепт *Радость* актуализируется в ПКМ И. А. Бунина на двух уровнях – земном и небесном – в следующих ассоциативно-смысловых блоках: 1) *жизнь – избыток сил – радость*; 2) *свет – жизнь – радость – познание*. В 1-м АСБ радость связана с глубоко личным восприятием жизни, чувственным ее переживанием через ощущение причастности к миру божественного. При этом радость предстает не просто созерцательным чувством, чувством благоговения ко всему сотворенному, непостижимому разумом, но, главным образом, как созидательное начало, раскрывающее творческий потенциал личности, ее многогранность, открывает перед человеком неограниченные возможности познания, в первую очередь, познания интуитивного характера, а не интеллектуального, наделяет человека способностью любить, выражать любовь и дарить ее миру: *И тогда вся душа / У меня загорается радостью: / Я в пригоршни ловлю закипевшую пену волны – / И сквозь пальцы течет не волна, а сапфиры, – несметные / Искры синего пламени, Жизнь!*; *Весь охвачен / Какой-то робкой радостью, и мнится, / Что пьют они не дождевую воду, / А чистую небесную лазурь; И кажется, что пахнет не сосна, / А зной и сухость солнечного света* («Загорится впотьмах»)

Радость являет собой феномен божественного в земном мире. Радость определяется как *неземная*: *Не так же ль в радости случайной / Мечта взмахнет порой крылом – / И вдруг блеснет небесной тайной / Все потонувшее в былом* («Зарницы лик, как сновиденье»); *Нет, не пейзаж влечет меня, / Не краски жадный взор подметит, / А то, что в этих красках светит: / Любовь и радость бытия* («Еще и холоден, и сыр»). С радостью в ПКМ И. А. Бунина связаны такие ассоциации, как *свет, вспышка, зарница, сновиденье, небо*.

Вербализация и смысловое содержание концептов *Тоска* и *Радость* в значительной степени раскрывают личностный микрокосмос автора в его эмотивном представлении, а также являются неотъемлемой составляющей в концептуальном развертывании индивидуально-авторской системы ценностей, идей, ее представляющих, что в конечном итоге определяет идеостилевые особенности поэтического творчества И. Бунина. Таким образом, через эмотивный код художественной организации текста выявляются своеобразие и уникальность моделируемой действительности, философской системы поэта, с одной стороны, и его личных мироощущений – с другой.

Во **2-м параграфе** описываются концепты *Тоска* и *Радость* в ПКМ Ф. Сологуба как реализация на эмотивном уровне дихотомии бытия. Поэтическое пространство Ф. Сологуба характеризуется упадническими настроениями и достаточно тяжелой в эмоциональном плане атмосферой. Даже радость в его художественном мире может проявляться в ассоциативном ряду, связанном с разрушением, увяданием и смертью, что обусловлено символистской эстетикой зла, нашедшей отражение в творчестве старших символистов. При этом все, что связано со смертью, приобретает положительную окраску: *отрадная трава* и т. д. Поэтическое пространство проникнуто настроениями печали и тоски, генератором этих чувств осознанно становится лирический герой, ведущий свою игру с мирозданием, ограничивая себя в своих радостных чувствах. Безусловно, в этом сказывается тенденция сотворения мифа, характерная для литературного процесса рубежа веков. В результате такого мироощущения поэт создает свой, во многом мифологизированный микрокосмос.

Чувства тоски – печали – томления предстают как единое экзистенциальное состояние, в котором пребывает лирический герой. В ПКМ Ф. Сологуба *тоска* сочетается с широким кругом эпитетов: *безумная, смертная, жадная, вековая, вечная, бесконечная, седая, вешняя, ночная, больная, щемлящая, тяжелая, горькая, беспощадная, гробовая, мстящая, злая, безвыходная, серая, туманная, святая, мертвенная, пугливая, призывная, немая*. Тоска представлена ассоциатами *яд, змея, огонь, болото, чудовище, гость*, которые актуализируют такие индивидуально-авторские смыслы, как ‘коварство’, ‘разрушение’, ‘губительность’, ‘угроза’, ‘застой’, ‘косность’, ‘бездеятельность’, ‘опасность’, ‘неожиданность’. Концепт *Тоска* вербализуется в АСБ *смерть – страх – тоска, злость – угроза – тоска*.

Однако в его поэтическом пространстве играет важную роль и концепт *Радость*. В мрачной реальности, созданной поэтом, находится место не только миру земному, с его страданиями и тоской, но и небесному – где *люди радостны, как боги*. Чувства тоски (заметим, что именно тоска, а не печаль, грусть, томление, несет основную смысловую нагрузку в организации поэтического пространства Ф. Сологуба – *с моим болезненным том-*

леньем святой тоски не сочетай) и радости окрашивают соответственно бытие земное и бытие небесное, представляя тем самым одну из реализаций дихотомии бытия на эмоциональном уровне. Это и определяет своеобразие функционирования концептов *Тоска* и *Радость* в ПКМ Ф. Сологуба.

Понятийное ядро концепта *Радость* в его ПКМ составляют следующие признаки: 'ощущение свободы', 'легкость', 'чистота', 'свет', 'смирение', 'успокоение', 'спокойствие' и 'покой', 'безмятежность', 'отсутствие желаний / желания' (зависит от АСБ, в котором активизируется признак), 'ощущение молодости'.

В ПКМ Ф. Сологуба концепт *Радость* актуализируется в следующих АСБ: 1) вдохновенье – свобода – творчество – радость; 2) мечты – надежды – любовь – радость; 3) радость разрушенья – увядание – смерть.

АСБ *вдохновенье – свобода – творчество – радость*. Вдохновение, как и радость, предстает таинственной силой, имеющей божественное начало. Творчество, как процесс созидания, приближает человека к неземному миру, роднит его с Творцом, что приносит безусловную радость лирическому герою. В стихотворении «Не понимаю, отчего» лирический герой выражает чувства восторга и удивления перед феноменами вдохновения и свободы, потому что благодаря им, как *неизбежной власти сил, мертвенная и скудная природа оживает, одухотворяется*. Сопричастным этому чуду, частью единой духовной жизни ощущает себя и лирический герой: *В природе мертвенной и скудной / Встает какой-то властью чудной / Единой жизни торжество. // Я вижу вечную природу / Под неизбежной властью сил, – / Но кто же в бытие вложил / И вдохновенье и свободу? // И в этот краткий срок земной, / Из вещества ложась земного, / Как мог обрести я мысль и слово / И мир создать себе живой? // Окрест меня все жизнью дышит, / В моей реке шумит волна, / И для меня в полях весна / Благоухания колышет // Но не понять мне, отчего / В природе мертвенной и скудной / Воссоздается властью чудной / Духовной жизни торжество*. В приведенном отрывке отражена не только ассоциативная связь вдохновения, свободы и радости, но и радость единой жизни, утверждение созидательного начала (*власть чудная*) и преклонение перед ним, торжество духовной жизни. Единственная вещь, которая радует лирического героя всегда – это вдохновение – самая ценная и единственная награда за все трудности, переживаемые на земле: *Я испытал превратности судеб / И видел много на земном просторе, / Трудом я добывал свой хлеб, / И весел был, и мыкал горе. <...> // Но есть одно, чему всегда я рад / И с чем всегда бываю светло-молод, – / Мой труд. Иных земных наград / Не жду за здешний дикий холод. <...>*.

«Я – поэт» – это земное предназначение Ф. Сологуба, его отрада и награда, та тонкая, но нерушимая связь с недоступным и таинственным бы-

тием, дарующая свет и вечную молодость (*светло-молод*): *Но, Божьим радуясь веляням, / Согласованьям бытия, / Внезапным вспыхнет вдохновеньем / Душа усталая моя*; тот диалог между лирическим героем и Богом, который может происходить только в уединении и тишине.

Если страдания и тоска мыслятся как глубокие длительные состояния, предопределенные поэту судьбой, которые нужно смиренно перенести, то вдохновение и радость творчества – это мгновения, вспышки света, прекрасные, но короткие озарения в томительном бытии: *Бывают дивные мгновенья, / Когда насквозь озарено / Блаженным светом вдохновенья / Все, так знакомое давно. // Все то, что сила заблужденья / Всегда являла мне чужим, / В блаженном свете вдохновенья / Опять является моим. // Смиряются мои стремленья, / Мои безбурны небеса. / В блаженном свете вдохновенья / Какая радость и краса!* Лексически эти душевные состояния выражаются метафорами света: *свет вдохновенья* (3 раза), *насквозь озарено*, *безбурны небеса* (т. е. чистые, ясные). Радость как свет (*сиять, сиянье, свет, светлый*) – одна из фундаментальных метафор радости, которая находит отражение не только в ПКМ Ф. Сологуба, но характерна для европейской культуры в целом [Красавский, 2003].

Ожидание вдохновения волнительно еще и потому, что поэт воспринимает его приход как время чудес: *Настало время чудесам. / Великий труд опять подъемлю. <...> Настало творческое время. / Земное время тлеет вновь. / Моя мечта, моя любовь / Восставит вновь иное племя. // Подруга-смерть, не замедляй, / Разрушь порочную природу / И мне опять мою свободу / Для созидания отдай.* Это время особенно радостно, поскольку, как мы уже отметили, ассоциируется у лирического героя со свободой и созиданием, когда поэт освобождается от *земного бремени*. В период вдохновения лирический герой ощущает себя духовно богатым, потому что чувствует единение с миром таинственного и неземного, ощущает восторг и полноту жизни.

АСБ *любовь – надежда – мечты – радость*. Один из светлых и жизнеутверждающих в поэтическом пространстве Ф. Сологуба. Как вдохновение и творчество, так и любовь способна увести лирического героя от повседневной суеты и безрадостного существования: *Люби меня ясно, как любит заря, / Жемчуг рассыпая и смехом горя. / Обрадуй надеждой и легкой мечтой / И тихо погасни за мгlistой чертой.* Любовь представляется *радостным милым пленом*, в отличие от обременяющего плена земной жизни. В ожидании этого сладостного плена зиждятся надежда и мечта, без страха и волнений. Метафора света (*люби ясно, заря* (любовь сравнивается с зарей), *жемчуг, горя, погасни*) и в этом АСБ предстает тем семантическим звеном, который объединяет в сознании читателя любовь, надежду, мечты и радость в один ассоциативный ряд, соотносимый с определенной ситуацией действительности, и активизирует ассоциатив-

ную деятельность воспринимающего текст. Любовь, как и вдохновение, дарит свободу и ощущение полноты жизни: *Душа опять звучит стихами. / Пришла весна, и в сердце вновь, / Чаруя радостными снами, / Воскресла милая любовь. // Устал, устал я жить в затворе, / То ненавидя, то скорбя. / Хочу забыть про зло и горе / И повторять: «Люблю тебя!».*

АСБ *радость разрушенья* – увядание – смерть. В поэтическом пространстве Ф. Сологуба радость может быть не только вдохновенной и просветляющей, но и злой (*злая радость* и *радостное зло*). Как правило, злая радость вербализуется в контекстах с мотивами смерти, зла, разрушения: *И возникнет в дни отмщенья, / В окровавленные дни, / Злая радость разрушенья, / Облеченная в огни.* При этом все ассоциаты, связанные со смертью, получают положительную эмоциональную оценку лирического героя, поскольку смерть ассоциируется прежде всего с избавлением от ноши земных страданий, а значит – с облегчением и освобождением, поэтому становятся *отрадна тихая могила, отрадно злое зелье, великая отрада яда*, которые могут погрузить в *забвение*. Радость разрушения ассоциируется прежде всего с забвением и умиранием. Это связано с тем, что в смерти поэт видит главным образом избавление от страданий и приближение к иному бытию. Все, что так или иначе связано с иным бытием, получает положительную оценку.

Таким образом, в мифологизированном поэтическом мире Ф. Сологуба немаловажную роль играет и концепт *Радость*, который находит воплощение в ассоциативно-смысловых блоках, связанных с иным бытием. Наряду с земным бытием, иное бытие является основополагающим звеном поэтического микрокосмоса Ф. Сологуба, что и определяет ключевое значение и богатство содержания концепта *Радость* в индивидуально-авторской картине мира поэта.

В **3-м параграфе** рассматривается концепт *Тоска* в ПКМ И. Ф. Анненского. В поэтической картине мира Анненского практически нет радости, о чем свидетельствует малое количество лексических репрезентаций концепта *Радость* (всего 6 контекстов). И если в лирике И. Бунина и Ф. Сологуба одной из ключевых является ассоциативная связь радости и вдохновения, творчества и познания, то в мироощущении И. Анненского даже творчество переживается прежде всего как мука и боль: *Кто знает, сколько раз без этого запоя, / Труда кошмарного над грудою листов, / Я духом пасть, увьи! я плакать был готов, // Среди неравного изнемогая боя; / Но я люблю стихи – и чувства нет святей: / Так любит только мать, и лишь больных детей* («Третий мучительный сонет»). Стихи ассоциируются у поэта с больными детьми, которые требуют особого ухода и заботы, свою любовь к ним, как плодам мучительного труда, он называет святой.

Неотъемлемой составляющей концепта *Тоска* в поэтическом мире И. Анненского является его взаимодействие с концептами *Страх*, *Смерть* и *Время*, в результате образуется единое смысловое пространство, составляющее ядро индивидуально-авторской картины мира поэта, для которой характерны ощущения потерянности в мире, безверие, но при этом постоянное стремление к гармонии. В результате анализа текстовых ассоциатов было выделено два АСБ актуализации концепта *Тоска*: *тоска – страх – смерть*, второй – *тоска и время*.

Тоска воспринимается лирическим героем как экзистенциальное состояние, связанное, с одной стороны, с прошлым (посредством воспоминаний, снов, миражей), настоящим или будущим человека, т. е. с реальной жизнью человека, наполненной различными событиями, и, с другой стороны, с тем, как лирический герой переживает движение времени, его бег, то едва уловимый, скоротечный и легкий, то замедленный и утомляющий. Человек живет мгновениями, которые соединяют прошлое (прожитое) и будущее (предстоящее). Но в эти едва уловимые мгновения, которые, по сути, являются настоящим и в которых проходит жизнь, лирический герой практически не бывает радостен и счастлив, потому что эти мгновения так «робки» и «летучи», лирический герой полон сожаления. *Тоска* И. Ф. Анненского – это тоска по скоротечности времени, невозвратности, легкости и неуловимости.

Понятийное ядро концепта *Тоска* в ПКМ И. Ф. Анненского составляют следующие концептуальные признаки: ‘усталость’, ‘переживания’, ‘тревога’, ‘болезненное состояние’, ‘бессонница’, ‘одиночество’, ‘мучение’, ‘страдание’, ‘мятеж’, ‘смятение’, ‘беспокойство’, ‘сильное волнение’, ‘боль’, ‘незнание’, ‘страх’, ‘желание понять’, ‘томление’, ‘ожидание’, ‘сожаление’.

Эмоционально-оценочное ядро концепта образуют концептуальные признаки ‘нелюбовь’, ‘близость’, ‘бессмысленность’, ‘непонимание’, ‘злая’, ‘обреченность’, ‘необоримая’, ‘вечная’, ‘веселая’. Ассоциативные концептуальные признаки – ‘сомнение’, ‘неясность’, ‘заблуждение’ (ассоциат *недоумение*). В ПКМ И. Ф. Анненского концепт *Тоска* представляют ассоциаты *притворищица*, *недоуменье*, *виденье*, *злодей*, *птица*, *добытчица*, которые, формируя образно-метафорический слой концепта, актуализируют в сознании читателя понятийные, эмоционально-оценочные, образно-символические его стороны.

В **4-м параграфе** представлен сравнительно-сопоставительный аспект исследования. Концепты *Тоска* и *Радость*, несмотря на временную синхронность поэтических дискурсов И. А. Бунина, Ф. Сологуба и И. Ф. Анненского, вербализуются в различных в эстетическом и мировоззренческом отношении контекстах житнетворчества трех авторов, которые отражают насыщенную культурную жизнь рубежа XIX–XX вв.

Различие в восприятии поэтами тоски и радости выражено на всех уровнях структуры концептов: от понятийного до ассоциативного, о чем свидетельствует различный набор концептуальных признаков, которые формируют смысловые грани исследуемых концептов. На понятийном уровне концепта *Тоска* из всей совокупности концептуальных признаков (34) общими для трех ПКМ являются только пять: ‘одиночество’, ‘ожидание’, ‘боль’, ‘томление’, ‘тревога’. Они являются ведущими в общеязыковой картине мира, о чем свидетельствует анализ семантической структуры лексемы *тоска* (ЛСВ–1) [МАС]. В содержании концепта *Тоска* совмещаются такие противоположные признаки тоски, как ‘вера / неверие’, ‘надежда / безнадежность’. Актуализация определенного признака зависит от того, в каком АСБ происходит их активизация.

Наиболее ярко индивидуально-авторское восприятие тоски отражают концептуальные признаки, формирующие эмоционально-оценочный слой. Из 32 выделенных нами концептуальных признаков совпадает только три: ‘злая’ (‘жестокая’) в ПКМ И. Ф. Анненского и Ф. Сологуба, ‘горькая’ – И. А. Бунина и Ф. Сологуба, а также ‘сладкая’/‘сладостная’ в ПКМ И. А. Бунина и Ф. Сологуба, но у последнего такая эмоциональная оценка встретила всего один раз и является нехарактерной для его поэтического мировидения. В восприятии *тоски* можно выделить два полюса: положительный и негативный. Преимущественно негативное восприятие отражено в ПКМ Ф. Сологуба, положительное – в ПКМ И. А. Бунина и, в меньшей степени, в ПКМ И. Ф. Анненского.

В ПКМ И. А. Бунина, в отличие от ПКМ И. Ф. Анненского и Ф. Сологуба, менее выражено образно-метафорическое представление концепта *Тоска*. Это обусловлено отсутствием образно-метафорических репрезентантов этого концепта в его произведениях, что характеризует строгость, простоту и повествовательность лирики И. А. Бунина, стремившегося, в отличие от символистов, к точности и ясности поэтического слова. С этим связано и то, что концепт *Тоска* в ПКМ И. А. Бунина вербализуется в АСБ, в которых просматривается ситуация возникновения эмоций, выражена причинно-следственная связь их порождения. Концепт *Тоска* в ПКМ Ф. Сологуба и И. Ф. Анненского вербализуется в более абстрактных контекстах, поскольку стимулом становятся не столько явления и события окружающей жизни, сколько исключительно внутренний мир лирического героя – его жизненные установки, экзистенциальные переживания, мучительные для лирического героя вопросы жизни и смерти.

Концепт *Радость*, наряду с концептом *Тоска*, имеет ключевое значение для ПКМ И. А. Бунина и Ф. Сологуба, для ПКМ И. Ф. Анненского он не столь существенен. С радостью в поэтическом пространстве И. А. Бунина и Ф. Сологуба связаны чувства свободы, молодости, ощущение, легкости, открытости, чистоты, внутреннего покоя. Для лирического героя с бунтар-

ской душой также характерно при переживании радости испытывать чувство смирения. Семантическим звеном, актуализирующим ассоциативное развертывание концепта *Радость*, становятся метафоры света и огня. Радость ассоциируется со вспышкой, зарницей. Концептуализация радости метафорой света вписывается в образную общепозитическую традицию.

Различаются и способы репрезентации концептов *Тоска* и *Радость* в ПКМ И. А. Бунина, И. Ф. Анненского и Ф. Сологуба. Представленность словом-именем характерна для произведений И. А. Бунина. В ПКМ И. Ф. Анненского тоска вербализована ассоциатами *недоумение, жуть, притворищица, виденье, злодей, птица, добытчица, недуг, туман, гость*. Ассоциаты *змея, яд, болото, огонь, чудовище, мгла, гость* представляют тоску в ПКМ Ф. Сологуба. И если представления об эмоциях, в частности, о тоске как болезни (*недуг*), разрушающей стихии огня (*огонь*), тьмы (*мгла*), существа-животного (*злодей, птица, змея, чудовище, гость, виденье*), отравы (*яд, жало*) распространены в поэтическом узусе, то ассоциаты *недоумение, жуть, притворищица* характеризуют исключительно картину мира И. Ф. Анненского.

В качестве репрезентантов поэтического концепта широко представлены словосочетания (*смертная тоска, безумная тоска*), наиболее разнообразно они воплощены в ПКМ Ф. Сологуба, в меньшей степени в ПКМ И. А. Бунина и И. Ф. Анненского. Для ПКМ И. Ф. Анненского характерна репрезентация сверхсловными единицами – целыми стихотворениями («Тоска маятника», «Тоска мимолетности» и др.). Расширение семантической сочетаемости вписывается в тенденции развития поэтического языка начала XX в., которые отмечали исследователи поэтической речи (Н. А. Кожевникова, Н. Н. Кузнецова и др.).

В заключении обобщены результаты проведенного исследования, подведены итоги и намечены перспективы дальнейшей работы.

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях:

В изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Шмугурова К. В. Ассоциативно-концептуальное поле *РАДОСТЬ* в поэтическом пространстве И. А. Бунина // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 2. С. 46–50. (0,3 п. л.)

2. Шмугурова К. В. Поэтический космос И. А. Бунина в концептуальном представлении // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 2. С. 59–63. (0,3 п. л.)

3. Шмугурова К. В. Вербализация концепта *Радость* в поэтической картине мира Ф. Сологуба // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. С. 214–219. (0,4 п. л.)

В других изданиях:

4. Шмугурова К. В. Концепт *ТОСКА* в поэтической картине мира И. Ф. Анненского // Русская речевая культура и текст: Материалы VI Междунар. науч. конф. (25–27 марта 2010 г.) / Под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Том. ЦНТИ, 2010. С. 216–222. (0,3 п. л.)

5. Шмугурова К. В. Концепт *ТОСКА* в поэтической картине мира И. А. Бунина // Материалы XLIV Междунар. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс»: Языкознание» / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2006. С. 11–13. (0,12 п. л.)

6. Шмугурова К. В. Образно-метафорические репрезентанты концепта «ТОСКА» в лирике Ф. Сологуба // Материалы XLV Междунар. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс»: Языкознание» / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2007. С. 5–7. (0,12 п. л.)

7. Шмугурова К. В. Взаимодействие концептов «ТОСКА» и «ВРЕМЯ» как фрагмент поэтической картины мира И. Ф. Анненского // Материалы XLVI Междунар. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс»: Языкознание» / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2008. С. 19–21. (0,12 п. л.)

Подписано в печать 11.04.2011

Формат 60 × 84 1/16. Офсетная печать.

Уч.-изд. л. 1,5. Усл.-печ. л. 1,4. Тираж 100 экз.

Заказ №

Редакционно-издательский центр НГУ.

ул. Пирогова, 2, 630090, Новосибирск.